

© 2013 г. М.С. Абиров
УДК 615

СОЦИАЛЬНАЯ ДИССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

[Social dissociation of Russian society in terms of extreme changes]

It is analyzed the radical changes in the systemic crisis of Russian society, the disintegration of the traditional ties. We consider the global process of establishing a new social hierarchy - the emergence of new social groups and strata of the elite, based on the processes of redistribution of property, power, income, lifestyle, and changing value orientations. Analyzes the characteristics of stratification processes in the Russian society, as well as the modern transformation of the social structure of our country.

Key words: Russia, the state, society, population, reform, management, system, structure, crisis, disintegration, the stage adaptation, democracy, modern, dissociation, social, economic stratification, transformation.

Диссоциация – это процесс разъединения сложной системы на несколько простых частей под воздействием каких-либо внешних факторов. Как известно, термин «диссоциация» широко использовал Ф. Теннис, который понимал под ним тип связей, присущий низшей ступени человеческого общежития – общине, в отличие от общества. Л. фон Визе рассматривал диссоциацию в качестве характеристики процесса социального взаимодействия, охватывающего такие формы (стадии) как разобщение, конфликт, тогда как ассоциации у него – это сближение, подражание, адаптация, объединение. Г.П. Беккер ввел родовое понятие «социация» – обоюдно активное социальное взаимодействие, сводящее воедино три системы деятельности – личность, социальные отношения и культуру. Переход от диссоциации к ассоциации лежит, по Беккеру, от конфликта через соревнование к сотрудничеству.

На этапе радикальных перемен в условиях кризиса российского общества социальная структура претерпела распад традиционных связей. Диссоциация есть результат ослабления или даже утраты социальных интеграторов, в первую очередь экономических, организационно-политических и духовно-идео-

логических. Процесс углубляющегося обособления людей, частей социальной структуры сопровождается нарастанием конфликтных отношений. Разрыв горизонтальных (внутриклассовых, внутригрупповых) связей стимулирует развитие вертикальных отношений. Доминантой отношений становятся не межклассовые, межгрупповые отношения, а межслоевые (главным образом, между богатым меньшинством и обнищавшим большинством).

На смену коллективному интересу приходит индивидуальный эгоизм. Наступает этап социальной дезинтеграции. Социальная дезинтеграция-это такое состояние общества переходного этапа, когда резко сокращается объем и интенсивность внутри и вне структурных взаимосвязей, функциональных взаимодействий между частями социальной структуры, т.е. начинается распад целостной системы. Вектор общественного развития социальной интеграции изменяет свой знак.

Общеизвестно, социальная дезинтеграция современного российского общества обусловлено в первую очередь действиями властных структур переходного периода, которые, стремясь кардинально преобразовать все сферы общественной жизни, брали на вооружения самые радикальные средства, в результате чего ввергли страну в пучину великих потрясений. Отсутствие в обществе ясных представлений о целях преобразований, несоответствие избранных методов реформирования представлениям основной массы народа о лучшей жизни усугубляют ситуация в экономике, социально-политической сфере, духовной жизни страны. Это, в свою очередь, способствует процессу разложения социальной структуры общества, разрушения солидарности классов, групп и слоев, разобщения индивидов, происходит утрата социальной самоидентификации человека. Социальная диссоциация охватывает основные элементы структуры, поражает ее функциональные органы.

Только преодоления отчуждения между людьми, группами населения интенсифицируется успехами в формировании нового экономического уклада, эффективностью производства, улучшением материального положение основной массы народа. На базе произошедшей дифференциации в обществе могут начаться процессы социальной реинтеграции системы. Опыт развитых стран свидетельствует, дальнейшее укрепление экономики, социальной инфраструктуры, утверждение демократии, подъем культуры и образования, формирование общественных идеалов, норм и ценностей, стандартов образа жизни позволит обществу стабилизировать процесс развития социальной

структуры в ее новом качестве. Конечный итог трансформации социальной структуры общества определяется действием совокупности факторов объективного и субъективного свойства, внутреннего и внешнего порядка. Выявить в системе действующих сил спасительный вектор развития России – задача и историческая ответственность власти, всего общества.

В современном российском обществе продолжается глобальный процесс становления новой социальной иерархии – возникновения новых социальных групп, слоев (в том числе и маргинальных) и элит, основанной на процессах перераспределения собственности, власти, доходов, образа жизни и изменении целостных ориентаций.

Как известно, новый для России этап стратификационных процессов начался в девяностые годы, когда российское общество, после распада СССР, вступило в состояние поиска новых форм социальной организации и ценностных ориентаций жизнедеятельности. После длительного перерыва в стране начал формироваться на правовой основе мощный негосударственный сектор занятости с различными типами собственности и субъектами экономической деятельности. В этот сектор перешла заметная часть работников из государственных предприятий.

На этой основе начался процесс структурных изменений в занятости, т.е. переход работников из тех отраслей и производств, которые не отвечали запросам времени и были неэффективны с точки зрения удовлетворения потребительских запросов, во вновь нарождающийся. Сокращались военнотрудовые, а также занятые в тяжелой промышленности, в машиностроении, в частности на производствах военно-промышленного комплекса; вместе с тем расширялась численность занятых в сфере посреднической деятельности, обслуживания финансово-банковских операций. Трудные процессы перераспределения собственности и структурных перемещений работников сопровождалось несформированностью отечественных технологий в этих областях, отсутствием правовых демократических процедур, слабостью социальной инфраструктуры. Все это вело к тому, что перераспределение собственности и изменения структуры занятости прошло с огромными издержками. некоторые слои и группы работников оказывались в более привилегированном положении в приобретении государственной собственности, чем другие. Перераспределение работников между отраслями и сферами занятости также сопровождалось негативными тенденциями. Так уве-

личивался отток не только из социально-неэффективных производств, но и из тех сфер деятельности, которые обществу необходимы, но не способны дать быстрый эффект после переструктурирования. Например, на одну треть было сокращено численность научного труда. При этом переход наиболее квалифицированных в коммерческие структуры зачастую сопровождался снижением квалификационного статуса и потерей профессионального мастерства за счет повышения уровня доходов и социального статуса. Аналогичные процессы наблюдались в некоторых высокотехнологичных и наукоемких производствах. Таким образом, те слои, которые в новых условиях могли бы выступить ядром формирования среднего класса размывались, их представители переходили либо в бедные слои, либо в структурные образования с другим статусным уровнем; и в том и другом случае они теряли свою активную роль. Все это прежде всего подрывало сами реформы, актуализирую такие преобразования, которые не сопровождались бы резким снижением эффективности использования профессионального и квалификационного потенциала страны [1].

Серьезные изменения были осуществлены в перераспределении объема властных полномочий. Вертикаль государственного управления «центр-республика-область-город- район» претерпели существенные изменения. Множество управленческих функций перешли местным органам власти, хотя при этом были слабо отработаны правовые и организационные механизмы такой передачи. Вся управленческая структура строилась на основе плебисцитно-избирательной культуры, в условиях которой к руководству страной, городом, районом приходили те социальные силы и лидеры, которые пользуются наибольшей поддержкой населения. Изменились также принципы управления и организации в сфере труда.

Таким образом, перечисленные выше сдвиги в характере организации труда, собственности, в структуре властных полномочий продолжает сопровождаться трансформацией целостных шкал и предпочтений. Перед каждым человеком открылись возможности не только более свободно выбирать сферу своей профессиональной деятельности и формы социальной активности, но и реализовывать право на потребление предпочтительной информации, культурных благ. В обществе получает распространение культурная продукция самого разнообразного ценностного содержания, создавая тем самым новую информационную обстановку. Вместе с тем российское общество в мировоззренческом плане поляри-

зуется; в нем выделяются группы с полярно противоположными позициями, с радикальными взглядами; остается немало людей, желающих вернуться к идеалам советского времени. При этом не получает массовой поддержки какая-то целостная жизненная идеология которая бы консолидировала большую часть населения страны, предоставляла бы людям смыслообразующие идеи.

Размежеванию социальных сил общества способствует и расслоение групп по доходам и образу жизни. За исторически короткий отрезок времени в обществе резко поляризовались богатые и бедные слои. Расслоение по доходам приводит к тому, что динамика доходов наиболее состоятельных групп резко возрастает по сравнению с доходами на наименее состоятельных групп, а соотношение между этими доходами стремительно увеличивается. В то время как основная часть населения потеряла последние возможности поддерживать прежний уровень жизненного комфорта, появилась сравнительно небольшая состоятельная часть населения, образ жизни которой резко контрастирует с историческими традициями: отдых за границей, покупка дорогого автотранспорта, постройка личных коттеджей в пригороде и т.п.

Наиболее дестабилизирующим фактором для стратификационных процессов продолжают выступать маргинальные слои: безработных, лиц без определенных занятий и места жительства, вынужденные переселенцы внутри страны в результате межнациональных конфликтов, беженцы из бывших республик СССР, а также участники преступных группировок. разрушение привычных форм организации труда, быта, а также культурных норм и ценностей не может не сопровождаться появлением большого числа людей, утративших прежний социальный статус, а потому отчаявшихся, отказавшихся от нравственных принципов поведения.

Завершая анализ особенностей стратификационных процессов в российском обществе, можно утверждать следующее. Историческое развитие российского государства консервировало в обществе военно-имперский, временами репрессивный характер социальных связей с чрезвычайно слабо выраженными институтами частной собственности, выборных представительных органов, правовой защиты социальных групп и личности. Вместе с тем это не означает, что выделенные стратификационные особенности способны воспроизводиться с фатальной неизбежностью на каждом новом витке развития российского общества. Определенная их часть безусловно продолжает оставаться жизнеспособной и в бли-

жайшем будущем будет воспроизводиться. однако динамика стратификации последних десятилетий свидетельствует, что в нынешних условиях имеются основания для ускоренного восстановления мелкой частной собственности, а также ассоциированной (акционированной, муниципальной, групповой и др.) собственности. На базе изменившегося соотношения социальных сил и высокого образовательного уровня населения способны также укорениться плебисцитно-выборные процедуры формирования государственных и местных органов управления; повышаться роль законодательно-правовой системы социального регулирования.

Современную трансформацию социальной структуры в нашей стране обуславливают два разнонаправленных процесса (тенденции): усложнение социальной дифференциации и ее упрощение. Усложнение происходит в следствии возникновения новых форм собственности (смешанной, частной, акционерной, кооперативной и др.), а упрощение – в следствии исчезновения номенклатуры с неинституционализированными видами привилегий, иерархизации собственников (предприниматели и наемные работники) по величине дохода, большей или меньшей свободы, саморегуляции, самореализации и др., т.е. в связи с формированием экономических классов.

Следовательно, если раньше основным дифференцирующим критерием являлась место в структуре властных отношений, то сейчас таким критерием стало имущественное неравенство, хотя первый не утратил своего существенного значения [5].

Общеизвестно, социальная структура российского общества характеризуется социальной неустойчивостью, как на уровне процессов происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне самосознания личностью своего места в системе социальной иерархии. Продолжается активный процесс «размывания» традиционных групп населения; происходит становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры, социальной самоидентификации. Стратегически важным сегодня является вопрос, может ли в ближайшей перспективе в России сформироваться достаточно мощный средний класс, ориентированный на демократические ценности [6].

Социально-психологические предпосылки формирования «среднего класса» можно оценить по ценностным ориентациям, установкам населения, престижу принадлежности к среднему слою. Анализ свидетельствует, сегодня продолжа-

ет доминировать установка большинства занятого населения на «твердую», гарантированную зарплату как единственно приемлемый вид дохода. Другие его виды – предпринимательский доход. Доход на активы, равно как и возможность пользоваться кредитом, кажутся призрачными, ненадежными, а многим – просто спекулятивными и в силу этого неприемлемыми. У существенной части населения рыночная экономика ассоциируется с мошенничеством, делячеством, «деланием денег», словом, с погоней за «нетрудовыми доходами» [1].

Все вышеперечисленное указывает на трудности формирования нового социального слоя предпринимателей, ориентированных на независимую от государства производственную деятельность или коммерческое посредничество. В нашем обществе, судя по всему, еще долго будут сохраняться уравниательные ожидания и отношения к предпринимательству как к сомнительной в моральном отношении деятельности. Устойчивость этих представлений выступает моральным оправданием ее несовершенного правового урегулирования сегодня. Наметившаяся тенденция последних лет приводит к выводу, что старшее поколение не стремится в сферу предпринимательства. Оно притягательно для молодых людей с высокими запросами, и именно она будет преимущественно формировать средний класс.

Средний класс сегодня формируется из разных элементов структуры общества, и он реально может способствовать процессу становления ценностей гражданского общества. Формирование среднего класса будет происходить, на наш взгляд, за счет следующих слоев переходного периода: 1) предпринимателей, менеджеров; 2) высококвалифицированных специалистов; 3) высококвалифицированных рабочих; 4) производительного крестьянства, фермеров. Если процесс развития будет в значительной мере протекать по аналогии с западными обществами, хотя и разумеется, с существенной спецификой, то в следствии изменений в экономической структуре средний класс будет все более поглощать старые социальные слои и классы и станет решающей общественной силой, своеобразным гарантом демократического развития гражданского общества. Сегодня можно говорить лишь о тенденции. Требуется значительное время, чтобы средний класс стал опорой и гарантом его дальнейшего развития.

Известно, за годы экономических реформ в недрах российского общества сформировался, пусть не вполне развиты, но достаточно заметный социальный слой, занятый инициативной экономической деятельностью, в основном на базе

частной и акционерной собственности. Несмотря на свою незрелость, ограниченный масштаб и узкую направленность деятельности, этот слой приобрел относительно высокий социально-экономический статус и более или менее сформировался в качестве самостоятельного элемента структуры общества. [3]. Статусные портреты основных бизнес-групп в целом выглядят следующим образом. Предприниматели, частные собственники преимущественно мелких предприятия и фирм, лично управляющие последними, не совмещая эту деятельность с работой по найму. Самозанятые – лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие). Бизнесмены-менеджеры – наемные директора мелких и средних предприятий, главным образом акционированного и частного секторов, совмещающие управленческую работу по найму с ведением собственного бизнеса. Полупредприниматели – наемные работники, в основном акционированного и частного секторов экономики, не выполняющие управленческих функций и совмещающие основную работу с теми или иными видами предпринимательства.

Менеджеры-совладельцы – хозяйственные руководители мелких и средних акционированных предприятий, работающие по найму, но вместе с тем располагающие пакетами акций управляемых предприятий. «Классические» менеджеры – хозяйственные руководители, управляющие государственными (реже частными) предприятиями на основе найма, т.е. «за зарплату». Очевидно, в течение последних двух десятилетий подверглись радикальным изменениям и одобряемые и поддерживаемые прежде российским обществом трудовые ценности. Это свидетельствует о том, что идет процесс консолидации новой трудовой идеологии. Труд из обязанности превратился в право, легализовался статус безработного, значительно расширился и диапазон допустим форм занятости, в Конституции РФ сформулировано право гражданина на предпринимательскую деятельность и принят новый Гражданский кодекс РФ, подтверждающий законность и регулирующий эту деятельность.

Существенно изменились и социально санкционированные мотивы трудовой деятельности. Общественное благо, ради которого необходимо жертвовать личным благополучием, потеряло свою сакральную значимость. Легитимизирован частный индивидуальный интерес, и следование ему рассматривается сегодняшней идеологией как весьма достойное человека занятие. Ма-

териальное Благополучие реабилитировано в правах, идеологический возродилась категория индивидуального богатства и частной собственности, произошло колоссальное расширение реального состава благ, которыми на законных основаниях могут владеть, пользоваться и распоряжаться граждане и их семьи. В результате всех этих идеологических сдвигов исчез или, во всяком случае резко сократился разрыв между трудовыми ценностями населения и ценностями официальной идеологии, который был характерен к периоду социалистического развития России [4].

Разрыв, несовпадение могут характеризовать и взаимоотношения между личными ценностями людей и их реальными действиями и поступками. Так, несмотря на отмеченное стремление к экономии трудовых усилий, многие из россиян работают сегодня больше, чем до начала социально-экономических реформ. Эти действия вполне соответствуют приоритетности высоко заработка среди трудовых ценностей, но добиваться повышения заработка (или хотя бы компенсировать его фактическое снижение) приходится за счет мобилизации дополнительной трудовой энергии, что явно противоречит установке на минимизацию трудовых затрат.

Индикатором трудовой мобилизации является широкое распространение множественной занятости, которая теперь не ограничивается административными запретами, помогает людям адаптироваться к трудным экономическим условиям и даже повышать уровень благосостояния.

Таким образом, изменилась вся шкала ценностей – целей, установок и ориентации личности. В условиях рыночной экономики особое значение приобрели проблемы социальной адаптации населения к новым условиям. Социальной адаптацией является процесс и результат взаимодействия индивида с кардинально изменяющейся социальной средой, в ходе которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, так что индивид получает возможность выживания (и процветания), а макросреда – воспроизводства и вступления в иную восходящую стадию. Поскольку одним из главнейших критериев общественного прогресса служит обеспечение возможностей развития личности по законам ее собственной жизнедеятельности, при выборе направлений реформирования социально-экономической системы предпочтение следует отдавать стратегиям, способствующим расширению (или по крайней мере сохранению) области свободы как можно большему числу инди-

видов (групп) в выборе средств достижения жизненных целей, средств и способов адаптации. Имеются в виду такие стратегии преобразования социальной среды, которые базируются, прежде всего, на добровольных адаптациях, так как роль вынужденных адаптаций постоянно уменьшается [7].

Разумеется, с началом социально-экономического переустройства институциональные рамки декларируемой свободы существенным образом раздвинулись. Можно зарабатывать столько, сколько можешь; можно вообще не работать; можно работать в нескольких местах без всяких на то разрешений; можно создавать свое дело и т.п. Но, исходя из обретенного опыта социально-демографического, профессионально-должностного, образовательного, материального, жилищного и прочих статусов, налоговой политики, общей ситуации в стране или каких-либо других факторов индивид может и не захотеть (не сумеет) воспользоваться новыми возможностями. Если при этом его жизненно важные цели не изменились и удастся, как и в прошлом, реализовывать с помощью традиционных и предпочтительных моделей социального действия, то правомерно предположить, что уровень свободы, которой он располагает, остался прежним. Если же не удастся, то очевидно ее сужение.

В соответствии с указанным выше критерием общественного прогресса при осуществлении социально-экономических реформ необходимо соблюдать два принципа. Во-первых, индивиды должны располагать возможностью включаться в новые модели поведения совершенно добровольно, по мере осознания своих личных преимуществ от приобщения к новым ценностям и способам социальных действий, то есть тогда, когда новое не противоречит их ценностным ориентациям и разделяемым ими способам социальных действий. Иными словами, из каких бы «высоких» интересов не исходили реформаторы, вырабатывая стратегию социально-экономических преобразований, важно предоставить людям определенную свободу выбора при подключении к ним. Во-вторых, коль скоро индивиды не воспринимают (независимо, по объективным или субъективным причинам) реформаторские цели и средства, они вправе рассчитывать на возможность для воспроизводства (как минимум прежнем масштабе) по законам собственной жизнедеятельности). Разумеется, оба принципа (условия) относятся к разряду «критериальных» или «идеальных» и на практике никогда не могут быть реализованы стопроцентно, ибо пока не найден рецепт, как

жить в обществе и одновременно быть свободным от него. Однако думается, что в периоды коренных социальных перемен степень продвижения в следовании этим принципам выступает показателем результативности и издержек выбранной реформаторами стратегии [2].

Важно помнить, что результаты адаптации индивида (группы) в контексте свободы, необходимо выявить соотношение между объективными и субъективными приобретениями и потерями, причем не сиюминутными, а значимыми, касающимся ценностных ориентаций, жизненных потребностей и целей, как краткосрочными, так и долгосрочными, как связанными с обладанием чем-либо, так и «деятельностными», проистекающими из необходимости в этом или ином направлении. Субъективные приобретения (свобода слова, творчества и т.д.) могли для части индивидов обернуться столь существенными достоинствами, что перевешивают не малые объективные потери (например, снижение уровня жизни). Ожидание возможных благ в перспективе также в состоянии уменьшить осущаемые тяготы и смягчить дисбаланс приобретений и потерь [7].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в перспективе более высокий уровень адаптации будет детерминировать высокий доходный и образовательный статусы индивида. Влияние статуса родителей на статус детей приведет к стабилизации системы стратификации российского общества через два-три поколения. В результате адаптация к рынку потеряет свое значение в качестве механизма стратификации. Место индивида в системе социальной стратификации будет определяться преимущественно суммой получаемых общественных благ. Таким образом, продолжает осуществляться процесс изменения всего образа жизни россиян, т.е. изменения форм индивидуальной и групповой жизнедеятельности, особенностей общения, поведения и склада мышления людей в различных сферах, а также целей, интересов, ценностей и мотивации их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абиров М.С.* Эффективность социальной политики государств – важнейшее условие успешного реформирования государственной системы // Вестник МГАУ. 2011.
2. *Абиров М.С.* О необходимости системного анализа социально-политических процессов. Пенза, 2011.

3. *Добренков В.И., Кравченко А.И.* Социология. Социальная структура и стратификация. Т.2. М., 2000.
4. *Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики.* М.: Экономика, 1999.
5. *Скворцов Н.Г.* Этничность и трансформационные процессы / Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.
6. *Хлопьев А.Т.* Трансформация социальной структуры российского общества // социально-политический журнал. 1995. № 3.
7. *Шабанова М.А.* Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. № 9.

REFERENCES

1. *Abirov M.S.* The effectiveness of social policy states - an essential condition for successful reform of the state system // Vestnik MSAU. 2011.
2. *Abirov M.S.* The need for systematic analysis of the socio-political processes. Penza, 2011.
3. *Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I.* Sociology. Social structure and stratification. T.2. M., 2000.
4. *The path to the XXI century. Strategic problems and prospects of the Russian economy.* Moscow: Economics, 1999.
5. *Skvortsov N.G.* Ethnicity and transformation processes. / Ethnicity. The national movement. Social practice. SPB, 1995.
6. *Khlopiev A.T.* The transformation of the social structure of Russian society // socio-political magazine. 1995. № 3.
7. *Shabanov M.A.* Social adaptation in the context of freedom// Sotsis. 1995. № 9.

Ингушский государственный

университет. Республика Ингушетия, г. Магас

10 сентября 2013 г.